Некоторое время он смотрит на меня непонимающим взглядом, а потом начинает ржать.

- Гарри, ты... - взрыв хохота, - ну ты загнул! Драконы и великаны - они же огромные! Их бы любой заметил!

- Хорошо, - я усмехаюсь. - А тогда как насчет... - я делаю вид, что задумываюсь, - оборотней, а? Скажи, мне, Дерек, вервольфы существуют?

Его смех обрывается в одну секунду, даже из глаз исчезают веселые искорки.

- Обратни существуют, Гарри. Ты же сам мне говорил... в смысле, я же своими глазами видел одного из них! Как я после этого могу утверждать, что их нет?

Я киваю:

- Трезвая мысль. А суть в том, что все магг... эээ... в смысле, окружающие, думают примерно в том же ключе, что и ты. Они никогда не поверят в существование того, чего не видели своими глазами. Люди не верят в волшебство, ты знаешь? Им нужны факты, статистика, проверенные данные. К чему мне их разубеждать? Мы разучились просто верить, Дерек. А все, что не вписывается в наши привычные представления, пугает. И нам проще обвинить кого-то во лжи, чем столкнуться со своими страхами. Поверь мне. Уж я-то знаю, как это обычно происходит.

Меня пронзает мысль, что такое мышление, к сожалению, характерно не только для магглов. Отрицание своих страхов... И я точно знаю, что я - последний человек, который может обвинять других в следовании этому принципу.

- Значит, ты просто боялся, что они тебе не поверят?

- Не совсем так. Они обязательно не поверили бы. И тогда у нас была бы куча неприятностей. Расспросы, обвинения, недоверие... Знаешь, это не очень приятно. Поэтому я пошел по пути наименьшего сопротивления и просто подсунул им то, что они хотели услышать.

Дерек задумчиво кивает. Его взгляд мрачнеет, и он медленно выдирает из земли по травинке, о чем-то сосредоточенно размышляя.

- Ладно, мне пора, - я поднимаюсь с мягкой травы. - Спасибо, что поболтал со мной, Дерек. Для меня это очень важно, правда. Но сейчас мне действительно надо идти.

Я уже отхожу от старшеклассника на порядочное расстояние, когда до меня доносится его голос.

- Гарри, стой! Так драконы все-таки бывают?

Я поворачиваюсь к нему и откидываю в сторону непослушные волосы, которые под порывами ветра лезут в глаза.

- Я не знаю, Дерек, - я пожимаю плечами. - А ты-то сам во что веришь?

Это летнее утро ничем не отличается от многих других. Ну, разве только тем, что дядя Вернон находится в необычайно приподнятом настроении. Он прихлебывает свой кофе и безостановочно рассказывает о новой рекламной кампании своей фирмы, которая, по его мнению, должна привести к его полному и безоговорочному успеху, а этого жалкого мошенника Треденберга - главного конкурента дяди - к краху и позору. Описав новую рекламу во всех подробностях, он начинает что-то жизнерадостно насвистывать себе под нос, что для него более чем нетипично. Тетя Петунья тем временем разговаривает в гостиной по телефону со своей подругой Ивонн, которая недавно вернулась с Майорки. Дадли рассматривает упаковку подаренной ему еще на одиннадцатилетие компьютерной игры и, кажется, вообще не прислушивается к разглагольствованиям дяди. В общем, все как обычно. Возможно, именно эта спокойная атмосфера и притупляет мою обыкновенную бдительность.

Когда тетя возвращается из гостиной, дядя начинает по второму кругу рассказывать о рекламной кампании, на этот раз для тети. Тот факт, что мы все уже слышали эту историю по меньшей мере раз пятнадцать, его нисколько не смущает. Я позволяю своим мыслям уплыть далеко отсюда, рассеянно думая о том, как провести сегодняшний день. Погода сегодня отличная. Так что можно пойти в парк, к озеру. Наверняка за мной как обычно увяжется Хейли, и тогда я опять буду учить ее кидать в прозрачную гладь озера плоские камешки так, чтобы они подпрыгивали на воде. По каким-то причинам она просто обожает это занятие. А я все не могу отделаться от ощущения, что из воды вот-вот должно появиться длинное щупальце Гигантского Кальмара, потревоженного нашей игрой... А может, мы будем просто лежать на траве и смотреть на облака. И гадать, на что они похожи по форме. Главное - это не задумываться надолго и говорить первую же пришедшую на ум ассоциацию. А потом она скажет: «Гарри, расскажи мне о волшебстве», и мне опять придется придумывать какую-нибудь глупую историю про огнедышащих драконов и бесстрашных колдунов. И в этих историях всегда будет хороший конец, потому что Хейли уверена, что волшебники могут все.

Когда раздается звонок в дверь, дядя Вернон подскакивает, как ужаленный.

- Это принесли утреннюю газету! - радостно объявляет он. - На пятой странице в левом нижнем углу - реклама моей фирмы. Она просто бесподобна, Петунья, сейчас ты сама ее увидишь.

- Не сомневаюсь, дорогой, - с нежностью в голосе отвечает ему тетя.

Дядя вылетает в прихожую, а потом возвращается обратно на кухню, сжимая в руках ворох писем.

- Вот! - он кладет газету перед тетей с таким видом, словно там не реклама фирмы, а

объявление того, что дядю сделали, по меньшей мере, Премьер-министром.

Тетя открывает нужную страницу и, как и положено преданной жене, издает серию восторженных ахов и вздохов. Мне помимо воли становится интересно, что же там за реклама такая, о которой Дурсли мне уже все уши прожужжали. Некоторое время я с легким недоумением изучаю крошечную картинку с изображением сверел и заурядным слоганом.

Я не сразу замечаю, что дядя замолкает, а его лицо начинает принимать подозрительный свекольный оттенок. Я перевожу на него взгляд только тогда, когда он издает какой-то странный полувздох-полувсхлип, как будто бы задыхается или подавился, и тут же понимаю, что случилось что-то неладное. Дядя Вернон комкает в руках ворох писем какими-то порывистыми, нервическими движениями, и ловит ртом воздух. Приглядевшись внимательнее, я замечаю в его плотно сжатых кулаках край пергаментного конверта, подписанного изумрудными чернилами.

«Мистеру Г. Поттеру, графство Суррей, город Литтл Уингинг, дом номер четыре по Тисовой улице, маленькая спальня».

Я тихо шиплю сквозь зубы такое забористое ругательство, что Дадли замирает, разинув рот и так и не донеся до рта вилку с яичницей. Тете Петунье и дяде Вернону в этот момент не до меня. Они застывшими взглядами смотрят в письмо, и чем краснее становится лицо дяди, тем стремительнее бледнеет тетя.

- П-петунья, - полузадушено шипит дядя, - ч-что это такое? Это ведь чья-то глупая шутка, правда?

Он смеется каким-то нервным тонким смехом. Я подаю тете Петунье активные знаки, чтобы она подтвердила, что письмо - чья-то неудачная шутка. Но она продолжает смотреть на дядю полными ужаса глазами, а затем произносит траурным голосом:

- Боюсь, что нет, Вернон. Это они.

Я с трудом подавляю разочарованный стон. Дадли откладывает вилку в сторону и громко спрашивает:

- Что это? Я тоже хочу посмотреть!

- Дадли, это тебя не касается, - твердо говорит тетя.

- Но мне интересно! - капризно восклицает кузен и тянется рукой к письму. Я быстро шлепаю его по руке, и он устремляет на меня недоуменный взгляд.

- Ей богу, ведешь себя, как тупой ребенок, - рассерженно шиплю я кузену. - Неужели нельзя

пять минут посидеть спокойно? – Затем я обращаюсь к дяде Вернону: – Отдайте мне письмо.

– Как бы не так! – зло выплевывает дядя.

– Но там ведь написано мое имя, разве нет? – я поднимаю бровь.

Некоторое время дядя Вернон сверлит меня злым взглядом, а потом медленно, напоказ, разрывает письмо на мелкие кусочки. Мне остается лишь закатить глаза и демонстративно удалиться в гостиную.

Следующая порция писем не заставляет себя ждать. Я подозреваю, что утреннюю почту подкараулил и уничтожил дядя Вернон. Специально я не проверял, но за завтраком у него был подозрительно довольный вид. Если бы он только знал, что письма заколдованы отправляться до тех пор, пока не дойдут до непосредственного получателя... Однако дядя Вернон находится в блаженном неведении. Дадли ходит расстроенный и злой. Еще бы, ему никто не удосужился ничего объяснить. А кузен не без оснований подозревает, что всем остальным обитателям дома номер четыре известно о происходящем куда больше, чем ему самому. Прошлым вечером я пару раз наткнулся на него, когда он подслушивал разговоры встревоженных дяди и тети, но самые интересные моменты они заменяли словами «ты-знаешь-что», «эти люди» и «странные штуки».

Вечером, во время ужина, в столовую через открытое по случаю жары окно влетает сразу пять крупных сов с письмами. Дядя вскакивает, как ужаленный, и принимается неистово махать руками, чтобы разогнать птиц. Они смеряют его царственными взглядами и лениво перемахивают с места на место.

– Стоп! – ору я, и от неожиданности дядя застывает, как вкопанный.

Я быстрым, отточенным годами движением отвязываю от лапы ближайшей ко мне совы письмо и разрываю пергаментный конверт.

– Не смей! – дядя Вернон тычет в меня жирным указательным пальцем. – Если ты только попробуешь...

– А вы предпочитаете, чтобы они так и приходили? – я фыркаю и разворачиваю письмо, принимаясь скользить взглядом по строчкам.

Дадли направляется ко мне, очевидно, намереваясь все-таки узнать, что же тут происходит, но тетя хватает его за руку и буквально силой выталкивает за дверь. Дядя Вернон смотрит на меня таким напряженным взглядом, словно ожидает, по меньшей мере, взрыва. Дочитав письмо, я демонстративно откладываю его на стол. Оставшиеся совы тут же срываются со

своих мест и вылетают в окно. Последняя из них гадит тете Петунье на подоконник, и та принимается возмущенно ловить ртом воздух.

- Странные вы, - я устало провожу рукой по волосам, оглядывая родственников. - Чуть что, сразу «магия», «волшебство»... - От ненавистных слов оба вздрагивают, словно от ударов. - Может, и правда кто-то пошутил.

- Ты... никуда... не поедешь! - злобно выдыхает дядя.

- Кто бы сомневался, - бормочу я, вылетая из кухни. По дороге я сбиваю подслушивающего в дверях Дадли, но не обращаю на него внимания.

Я стремительно иду по улице, сам не зная, куда направляюсь. В груди клокочет гнев. Глупые Дурсли, вечно делают из всего комедию. «Ты никуда не поедешь!» Рад, что ты в этом так уверен, дядя. Потому что сам я не имею понятия, что мне делать. Остаться здесь, на Тисовой улице, ходит в эту среднюю школу Литтл Уингинга? «Стоунолл Хай», кажется. Время пролетит быстро, так быстро, что я и не замечу. А потом можно будет навсегда распрощаться с родственниками и начать свою собственную жизнь, где никто не будет навязывать мне то, что я должен делать, где я сам буду принимать решения и где ничто не напомнит мне о прошлом. Такая заманчивая идея...

<http://tl.rulate.ru/book/36380/789175>